

ЛОКАРМЕН

РАСКРЕЗЫ

Лазарь Кармен

Дети набережной

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0017
III.....	.0031
IV.....	.0076

**Лазарь Кармен
Дети набережной
(Из жизни Одесского порта)**

— Вот так мороз!
— Хуже огня печет!
— Аж дух захватывает!
— А у тебя, бабушка, кто тут лежит?!
— Родной сын. Руку ему на фабрике отхватило...

Так восклицала и такими фразами обменивалась большая толпа, облепившая широкие ворота N-ской больницы.

Неприветливо было на улице. На мостовой и панелях белыми застывшими волнами лежал снег, и он сеял без конца, острый, колючий.

Каждую минуту при этом с затугомо льдом моря срывался норд-ост. Он напоминал бешеного пса, перегрызшего цепь; выл, рычал, поднимал до крыш облака снежной пыли и винтил их, терзал телеграфные провода, вывески, нагие, сморщенные акации, гнался за пешеходами, валил их с ног и обжигал ледяным дыханием.

— Господи! Когда же наконец откроют ворота!! — заскулила женщина с ребенком на ру-

ках.

– Не раньше чем через полчаса, – ответил простуженный голос.

– Я замерзну!

Какой-то нервный субъект взялся за массивную чугунную ручку калитки и стал энергично трясти ее.

– Так их, иродов, молодчина! – загудела толпа.

Калитка с треском распахнулась, и вырос больничный сторож. Он был похож на медведя в своей толстой овчине с мохнатым отложным воротником, в высокой смушковой шапке и черных валенках.

– Ну, чего?! – прикрикнул он на субъекта, дергавшего ручку.

– Легче!.. Я, брат, не из пугливых! – ответил тот задорно.

– Сказано: в полпервого пущать будут, – несколько уже мягче проговорил сторож.

– Можно сейчас! Мы не собаки!

– Тебе хорошо! – вмешались другие. – Наворотил на себя целого барана, а мы тут мерзнуть!

Но вот внимание толпы было отвлечено в

сторону. К больнице со звоном подкатили аристократические сани.

Толстый румяный кучер с трудом осадил вороных. Рядом с ним восседал, подбоченясь орлом, лакей в цилиндре.

Лакей ловко спрыгнул с козел и высадил даму. Он подбежал после к воротам и густым басом и властно, точно барыня его была королевой, крикнул:

– Пропустите!

Толпа машинально раздалась, поглядывая на нее не то с робостью, не то с любопытством.

– Скоро прием?! – спросила певуче на ходу барыня.

– Скоро, скоро, ваше сия-сь! Пожалуйста! – засуетился сторож.

Она, не слушая его, величественно прошла меж двух живых стен и скрылась в открытой калитке.

Когда дама скрылась, толпа снова, и на этот раз с остервенением, набросилась на сторожа:

– А ей можно?!

– Она в шляпе?!

– Вот какие у вас порядки!

– Бедный погибать должен!..

– Не ваше дело! Кого хочу, того пускаю! А ты не лась! – огрызнулся сторож.

Он оттолкнул слишком напиравшего субъекта и с грохотом захлопнул калитку.

Толпа приуныла и притихла.

Прошло несколько минут тягостного молчания. Вдруг в тишину врезался чей-то тоненький голос. Казалось, что пискнула крыса. Голос слышался снизу, с земли.

– Нет правды на свете!

Все нагнули головы и увидели затертого среди них малыша лет двенадцати – тринадцати, ростом в полтора аршина.

Как тоненькая сосулька, выглядывал он из легкой синей блузки и таких же штанишек.

На голове его чудом держалась величиной в блюдце шапочка, такая, какие носят английские моряки.

Пропищав великую истину, он смело окинул толпу быстрыми карими глазами.

Малыш этот был не кто иной, как Сенька Горох – почетный гражданин одесского карантина и видный представитель малолет-

них портовых стрелков, или блотиков. Он вставил свою фразу в общий хор с апломбом человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы.

Некоторые при виде малыша с лисьей мордочкой улыбнулись, а приказчик бакалейного магазина Сидоров, стоявший с ним рядом, заметил:

– Ишь, искатель правды нашелся!

– Может быть, на том свете есть правда, – проскулила опять замерзавшая женщина.

– И на том свете нет! – отрезал, хмурия брови и шмыгая носом, Сенька.

Приказчик засмеялся. Сенька забавлял его.

– Хорошо, у кого деньги, – продолжал распространяться Сенька.

– Чем хорошо? – спросил приказчик, закуривая папиросу.

– Шмырника подмазать можно.

– Шмырника?... Это что же такое?

– Сторож.

– Ловко!

– Подмазать его, он и будет – а ни-мур-мур!

– А что такое – а ни-мур-мур?

– Ну... бархатный!..

– Вот так язык!..

– С деньгами даже к самому богу пролезешь!.. Приказчик нашел, очевидно, что достаточно уделил внимания сопляку, закурил и весь ушел в свою папиросу. Он совершенно забыл о нем, но Сенька напомнил ему о своем присутствии.

– Эх! – пропищал он громко, пильнув указательным пальцем, словно смычком, под носом. – Пропал одесский карантин!

– А что? – поинтересовался приказчик.

– Как же?! – ответил тот сокрушенно. – Декохт такой, что упаси господи!

– Декохт?!

– Ну да... голод!.. Страсть как терпит народ! Валяется по ночам в клепках и вагонах! На баржан четырех копеек нет!

– А баржан что такое?

– Да что вы, ей-богу, смеетесь? – обиделся Сенька. – Не знаете, что баржан – приют?

– Откуда же мне знать! – стал оправдываться со смехом приказчик.

Сенька пожал плечами.

– А у нас скоро опять забастовка.

– Где?

– В карантине.

– Почему же «у нас?»

– Я там живу... работаю...

– Вот как?! Кто бастовать будет?!

– Все как есть! Матросы, кочегары, угольщики, полежалыщики, сносчики...

– Чего так?

– Как чего?! – вспыхнул Сенька. – Что-о?! Только Русскому обществу да всяким подрядчикам наживаться?! Довольно!.. – Глаза у Сеньки сверкнули. – Вчера ночью в порту за эллингом собрание было! Барышня одна говорила!.. Вот здорово!..

– Ничего из этих забастовок не получится.

– Легче на повороте!.. Ничего, говорите, не получится?! Тогда порт спалют и город разнесут! – уверенно заявил Сенька. – Нас двадцать тысяч.

– Ишь социалист! – улыбнулся приказчик. – И откуда ты все это знаешь?!

– Эге! – Сенька гордо потрянул головой и пильнул снова под носом. – Чтобы я не знал?... Я все знаю. Недаром в карантине родился.

– Скажите пожалуйста!.. Наступила пауза.

Сенька шмыгал, шмыгал носом, не спуская жадных глаз со вспыхивающей в усах приказчика папиросы, и тихо позвал его:

– Мунсю! А мунсю!

– Чего тебе?

– Потянуть бы разочек...

– Ах ты, абрикос! Я тебе дам потянуть! Тебе вредно!

– Ничего мне до самой смерти не будет.

– Ты давно куришь?

– Я курил еще, когда маленький был.

В толпе послышался смех.

– А теперь ты большой?

– Большой. Мне тринадцать лет... Я и водку пью.

– Ого!

– А вы что думаете?! Возьму сотку, пробку отскочь – и одним духом!

– Ой, пропадешь!

– Все равно: пить – помирать, и не пить – помирать; лучше пить – помирать, чем не пить – помирать! – отрапортовал он любимую поговорку матерых портовых босяков.

– Здорово!.. Ну, так и быть, потяни! – И приказчик отдал ему окурочек.

Сенька с жадностью затаился и с наслаждением пустил через нос две струйки дыма. Он затаился потом еще раз и с заметным сожалением возвратил окурок приказчику. Но тот великодушно отстранил его руку:

– Не надо!

– Вот спасибо! – просиял Сенька.

– А это что у тебя? – И приказчик указал на сильно оттопыривающиеся карманы его штанов.

Сенька хлопнул рукой сперва по одному, потом – по другому и ответил:

– Тут мандаринки, а тут кокосы!

– Кому несешь?

Сенька замялся и ответил нехотя:

– Одной женчине. Она лежит в больнице.

– Мать?

– Н-не!

– Сестра?

– Н-не!.. Бароха...[1]

Приказчик пропустил мимо ушей ответ, так как в этот момент открылась калитка и начался впуск.

Толпа рванулась вперед.

– А, впускают?! Вира наша! Ай да одесский

карантин! – воскликнул весело Сенька, выплюнул остаток папиросы – тусклый огонек, чудом державшийся в узеньком ободке папиросной бумаги, – и кинулся вслед за приказчиком.

– Куда?! – услышал он неожиданно над самым ухом грозный окрик сторожа.

Сенька вздрогнул, остановился, бросил на него тревожный взгляд и заявил:

– В больницу!

– Зачем? Пшол!..

– Как пшол?! Зачем пшол... У меня тут знакомая лежит! – горячо запротестовал Сенька.

– Ты рассказывать?!

Сторож грубо схватил его за плечо и стал выталкивать.

Сенька густо покраснел, упал на землю и уперся руками и ногами:

– Чего толкаешься?! Ты не имеешь права!..

– Я тебе покажу – не имею права! Байструк!

– Сам байструк!

Сенька потом загнул такой комплимент, заимствованный им из обширного портового лексикона, что сторож опешил и выпустил его из своей мощной лапы, а почтенная ста-

рушка, бывшая свидетельницей этой сцены, покачала головой и проговорила:

– Ай-ай-ай! Такой маленький и так ругается!

– Я получше еще могу, – ответил вызывающе Сенька, глотая слезы.

Сторож, очухавшись, хотел снова схватить его и вышвырнуть на улицу, но помешала дама в меховой шубе и золотых очках, одна из врачей больницы. Она только что вошла во двор с улицы.

– Что тут случилось? Чего плачешь? – спросила она Сеньку.

– О-о-он ме-ме-ня би-ил!..

– Кто?

– Сторож!

Дама повернулась и резко заметила:

– И вечно вы, Константин, скандалы устраиваете! Зачем обижаете мальчика?!

Сторож стал оправдываться:

– Да как же?! Послушали бы, как ругается!

– А по-по-чему ты не пу-пу-скал меня в больницу? – спросил его, не переставая давиться слезами, Сенька.

– Тебе зачем в больницу? – ласково спроси-

ла дама и округло провела рукой по его влажной щеке.

– Знакомая тут...

– Врешь! – вмешался сторож. – Воровать пришел.

– Прошу вас молчать! – топнула ногой дама. – Как звать твою знакомую?!

– Ли-и-за.

– А фамилия?

– Сверчкова!

– Идем. – И она пошла вперед к больничному корпусу.

Сеня последовал за нею вприпрыжку, утирая на ходу рукавом слезы и бросая косые сердитые взгляды на сторожа.

Тот погрозил ему пальцем.

Сенька не остался в долгу. Соорудил из промерзших пальцев кукиш и послал ему его вместо воздушного поцелуя.

— Есть у нас больная Лиза Сверчкова? —
спросила дама, входя вместе с Сенькой
в приемную.

— Сейчас!

Дежурный фельдшер порылся в книге и от-
ветил утвердительно.

— Какая палата?

— Палата для выздоравливающих.

— Мерси!.. Маша, — обратилась теперь дама
к сиделке — толстой рябой бабе. — Проведи ту-
да этого малыша!

— Можно, барышня!

— Ну-с, буян! Ступай! Тебя проведут к твоей
Лизе!

«Эх! — хотел сказать ей Сеня. — Хорошая вы
барышня, за вас я бы с полной душой в огонь
и в воду!» — да слова не шли из горла. Он огра-
ничился тем, что поблагодарил ее взглядом.

Маша кивнула ему головой, и они пошли.

Она долго водила его по разным коридо-
рам и широким каменным лестницам и на-
конец привела в большую, светлую комнату с
громадными окнами, чистыми койками и

блестящим, как зеркало, полом.

Не успел Сеня оглянуть палату, как услышал знакомый, радостный голос:

– Сенечка!.. Горох!.. Сенюра!.. Марья Ивановна, сестрица!.. Он!.. Муж!

Он бросил быстрый взгляд в ту сторону, откуда донесся близкий ему голос, и увидел свою Лизу. Она полулежала на койке под одеялом, вся в белом и сама белая-белая, без кровинки на лице. Солнце пронизывало острыми лучами ее восковые ушки, похожие на лепестки розы.

Лиза вертелась на постели, как на иголках, и страстно протягивала ему свои тоненькие, высохшие руки. На вид ей было десять лет, но на самом деле двенадцать.

– Скорее! Сюда!.. Иди сюда!.. – молила она.

Около, на стуле, сидела сестрица и улыбалась Сеньке.

Сенька, весь красный, подошел к ней и сунул ей руку, высывающуюся из короткого отрепанного рукава наподобие мерзлой рыбы. Лиза стремительно схватила ее, поцеловала и прижалась к ней бледной щечкой.

– Здорово! – процедил он, косясь на сестри-

цу.

– Здорово, здорово! – весело ответила счастливая Лиза.

– Так это он самый? – проговорила сестрица, с любопытством оглядывая его фигуру, которую с успехом можно было уложить в дамский несессер.

Лиза все время, что находилась в больнице, только и говорила о нем, хвалила его, бредила им.

Сенька чувствовал себя неловко в присутствии незнакомой женщины и рад был бы провалиться сквозь землю. Он уставился, как теленок, в землю и засопел и зашмыгал носом.

– Чего не садишься? – спросила, лаская его глазами и не выпуская его руки, Лиза.

– Да куда мне сесть? – проворчал он.

– На постель. Вот сюда, возле меня.

Он сел осторожно, как бы боясь испачкать белоснежную простыню, и снова покосился на сестрицу.

«Скоро, дескать, уйдешь?»

А та и не думала уходить. Ее интересовала встреча детей, и ей хотелось послушать их бе-

седу. Но вдруг, к великому удовольствию обоих, ее позвали, и она ушла.

– Кто она? – спросил недовольно Сенька.

– Сестрица, – ответила Лиза.

– Чья?

– Всех! Она со всеми как сестрица... Ухаживает...

– Дряннь она!

– Что ты, Сенечка?! Как можно?! Она такая добрая, славная!

Сенька ничего на это не ответил, повернулся к ней всем лицом, посмотрел на нее внимательно и усмехнулся.

– Что ты?

– Совсем на ежика похожей стала... И куда коса твоя делась?

– Остригли, – ответила она плаксиво.

– А ты чего далась, дура?!

– Насильно остригли. На испуг взяли, сказали, что, если не дамся, в погреб запрут. Я плакала, ругалась. Ничего не помогло.

Сенька покраснел, сжал кулаки и проговорил с озлоблением:

– Ну и народ здесь! Шмырник у вас, телеграфный столб ему с паклей и гаком в зубы,

не хотел пустить. Бить стал... Эх, попадетса когда-нибудь мне в карантине! Полжизни отниму у него!.. Чаю дают тебе? – спросил он, немного успокоившись.

– Дают.

– А кардиф (хлеб)?

– Тоже. Все дают. И бульон, и молоко, и компот.

– Ври!

– Ей-богу! Вот крест! – И она перекрестила свою плоскую, как дощечка, грудь.

Но Сеня и теперь не поверил ей. Как истый сын порта, он ненавидел больницу, смотрел на нее как на застенок и был уверен, что здесь морят голодом.

– А здорово ты поддалась, – проговорил он немного погодя не то с сожалением, не то с желанием кольнуть ее. – Бароха была первый сорт, девяносто шестой пробы, хоть в цирке показывай, а теперь смотри – ни тебе мяса, ни тебе фасона. Нос как у тебя вытянулся! Как у петрушки! На кого ты похожа?! Холера!..

– А я виноватая?

В правом глазу у нее показалась слезинка.

– Скучно тебе, должно быть, с этими жло-

бами. – И он указал на соседней-больных.

Часть больных лежала на койках, часть расхаживала по палате.

– Очень даже, Сенечка. Все кряхтят, охают.

– Дармоеды!.. Послать бы их в трюм или в котлы поработать! А хорошо бы теперь, Лизка, посидеть в «Испании» под машиной и «Устю» послушать? – проговорил он мечтательно. – Ты как думаешь?

– Хорошо!

Глаза ее заблестели, и на алебастровых впалых щечках выступили розовые пятна.

– А когда ты выхильчаешься отсюда?

– Я хотела давно уже выхильчататься, да не пускают.

– Ах, они с! – выругался Сенька и плюнул в угол. – И как это ты, Лизка, засыпалась?!

– Я не виноватая, – стала оправдываться она. – Помнишь, как у меня голова болела? Я думала, что она лопнет. Я зашла в амбуланц. Доктор тот, хохлатый, с корявым носом, чтобы ему отца и мать не видать, сунул мне под мышку стеклянную такую палочку с цифрами и говорит: «У тебя, голубушка, тиф. Надо в больницу отправить». Я расплакалась: «Не хо-

чу в больницу!» – «Почему? Что такое?» – «Там людей голодом морят и убивают». – «Дурочка ты, дурочка, – стал он мне наливать масло. – Там тебе хорошо будет». – «Не хочу, пустите!» А он взял и позвал дворника. Дворник посадил меня в дрожки и повез в больницу. Так я и засыпалась.

– Надо было с дрожек плейтовать, как все делают.

– Пробовала, да не выгорело...

– Табак дело твое! – решил серьезно Сеня. – Отчего не скажешь, чтобы тебя отпустили?

– Сто раз просила, плакала, да что им! Доктор говорил, что если отпустит сейчас, у меня опять тиф будет... Возвратный...

– Грош цена всем докторам в базарный день. – Он презрительно пожал плечами. – И чего они только, телеграфный столб им, не выдумают?!

Наступило молчание.

Сеня сердитым взглядом окидывал палату, а Лиза смотрела на него с тоской.

– А я тебе, – сказал он небрежно, – всякой дряни принес. Знал, что голодом морят...

Он достал из карманов и положил перед

нею на одеяло три мандаринки и две горсти кокосов.

Глаза у Лизы засветились радостью.

– Какой ты славный! – воскликнула она и живо сгребла все обеими руками. – Можно одну мандаринку съесть?

– Мне какое дело? – ответил он равнодушно. – Ешь! Твои ведь!

Она быстро очистила тоненькими, бескровными пальцами мандаринку и с живостью стала есть ее.

– Ах, какая хорошая, вкусная! – восклицала она, глотая сладкий сок.

Покончив с мандаринкой, она робко спросила:

– Можно поцеловать тебя, Сенечка? – и прежде чем он ответил, она крепко обхватила его шею и стала целовать.

Больные с удивлением смотрели на них.

– Стой! Да ну тебя к свиньям! – отбивался он. – Не видишь, что смотрят?

– Ты где достал мандаринки? – спросила она потом, обгрызая мягкие, душистые и брызгающие корки.

– Как где? Известное дело! Шли биндюги с

ящиками по Таможенной площади, а я как ни подскочу, как ни двину камнем в один ящик – бах, ба-бах! Мандаринки так и посыпались. Я подобрал штук десять и плейта! Биндюжники за мной. Держи, лови!.. А я как же! Дамся им!.. Огорока медвежьего!..

– Ах ты, муженек мой! – проговорила она с замиранием в голосе и тихо и радостно засмеялась. – А что у нас дома слышно?

Домом она называла карантин.

Он безнадежно махнул рукой.

– Саук и декохт[2] такой, что беги!

Она заерзала под одеялом:

– Закурить есть?

Он отрицательно покачал головой.

– Смерть как курить хочется, – протянула она тоскливо. – Две недели табаку не нюхала.

– Купил бы «Ласточку», да последние пять копеек на конку истратил.

Наступило опять молчание.

– Косоглазая Манька как поживает? – спросила она походя.

– Что ей! Чумы не достает. Поссорилась вчера с Настей Пожарным Краном.

– Что ты?! – поразилась Лиза. – Дружили,

дружили – и вдруг... на!..

– Так поссорились, что та камнем голову провалила ей!

– Из-за чего?

– Да из-за Ваньки Монаха!.. А Нюня Коротконогая с чемоданом ходит.

– Уже?? – Лиза широко открыла глаза.

– В родильный приют собирается.

– А Маруся?

– Сошлась с каким-то фрайером. Он себя штурманом дальнего плавания называет. Плавает по Николаевскому бульвару и вахту у Джереме в трактире держит, а хвастает, что лазил по Средиземному морю, ковырялся в Ледовитом океане и мотался в Дарданеллах.

Лиза звонко расхохоталась.

– А вчера, – продолжал Сеня, – было еще такое дело. У нас теперь на Таможенной костры горят. А Мишка Кавалер возьми и сбацай из костра одно полено. Хотел выменять его на шкал, да мент (городовой) накрыл его и резиной по башке. Потеха!.. А ты слышала, что бомбу возле театра бросили?!

– Опять?

– Опять, и ногу одному менту оторвало.

– Только?! – И в глазах ее блеснул злой огонек.

– Здорово взялись за них. Каждый день то одного, то другого кладут. А много крови нашей блатной они выпили! Вот бы еще Федорчука!..

Федорчук был также ментом и дежурил на таможне. Он был злейшим врагом блотиков.

– Настанет и его очередь!

– И кто кладет их?

– Социалисты!

– Фартовый народ!

– Фартовый.

Лиза, слушая его, грызла кокосы. Она давно не ела их, и они показались ей такими вкусными.

– Слушай! – сказал он ей вдруг серьезно. – Вылезай-ка ты из этой гнусной ховиры. Я без тебя, как без правой руки. Сама знаешь. Некому на цинке мне постоять, арапу к ховире отнести. Попроси опять, чтобы отпустили тебя..

– А если не отпустят?

– Тогда мы тут такой хай наделаем, что сами попросят уйти.

Вошла сестрица.

– Наговорились? – спросила она мягко.

Сенька посмотрел на нее с усмешкой.

– Это что? – И она ткнула пальцем в мандаринки и кокосы.

Голос ее звучал теперь строго.

– Это!.. Это!.. Мне принес Сеня! – пролепетала Лиза с испугом и накрыла их руками.

В глазах ее сверкнула решимость.

– Милая моя, – в голосе сестрицы зазвучала прежняя мягкость, – мандаринки, так и быть, разрешаю, а эту гадость давай! – И она потянулась руками к кокосам. – Я выброшу их!

– Нет, нет! – крикнула истерически Лиза. Сенька посмотрел на сестрицу исподлобья и спросил:

– Почему это гадость?

– Да потому!.. Если она будет их есть, то обязательно заболеет возвратным тифом. Тиф опять вернется к ней. Ты ведь не хочешь умереть, милая? Не так ли?!

– Я не умру! Все это выдумки! Лиза заплакала.

– Надо ведь человеку что-нибудь есть, – заметил угрюмо Сеня, отвернув лицо.

– Да она ест! Все, что можно, ей дают, – от-

ветила сестрица.

– Пой, ласточка! – буркнул Сенька.

– Что? – спросила сестрица.

– Я говорю, погода хорошая...

– А мне показалось другое... Ну, вот! Заболела от этих кокосов, и снова возись с нею. Я и так измучилась в первый раз. Она бредила какой-то Настей Пожарным Краном, Нинкой Коротконогой, каким-то ментом... Отдай, говорят, – обратилась она к Лизе.

– Не отдам! Не хочу!

Сеня сжал кулаки и косо посмотрел на выпуклый живот сестрицы, накрытый белым передником. Если бы он не дрейфил, он пустил бы в ход свой любимый прием – разбежался бы и заехал головой ей под ложечку.

Видя отчаяние Лизы, сестрица смягчилась.

– Бог с тобой! Не трону твоих кокосов. Только обещай, что не будешь есть их.

– Обещаю!

– Спрячь их сейчас же под подушкой. Лиза спрятала.

Сеня стремительно встал и бросил Лизе:

– Прощай!

– Так скоро?! Сенечка!.. Погоди!.. – залепе-

тала она.

– Не желаю! – И он быстро направился к дверям.

– Будешь еще раз?! Сеня!.. Сенюра! Он не ответил.

– Однако твой приятель злой, – заметила сестрица.

Лиза посмотрела на нее с ненавистью и крикнула:

– Это вы, вы все злые! Мучаете! Кровь пьете! А он славный, хороший!

Она зарылась, как крот, в подушку и горько заплакала.

Злым и возмущенным оставил Сенька палатку.

Он благополучно проскочил мимо свирепого сторожа, которому на прощанье послал еще один кукиш, и помчался в порт, в Приморский приют, где оставил с утра своих товарищей, таких же, как и он, блотиков – Мишку Неелда, Ваню Сатану и Гришу Мельницу.

Товарищи по-прежнему сидели на матрацах в углу и с прежним азартом резались в штос на щелчки в нос.

– Как бароха твоя? – спросил Сеньку Неелд, не отрывая быстрых глаз от карт.

Лицо у Неелда было постное, комичное. Ему не везло. За короткое время он получил сто сорок щелчков, и нос его раздуло, как бакан.

– Амба! – мрачно ответил Сенька, не улыбувшись даже на его нос. – Ну и шмырник же там! – Он сжал кулаки и скрипнул зубами. – Драться полез!.. Сестрица у них тоже... с понтом барыня!.. Кокосы принес Лизе, а она да-

вай отбирать!

– Стерва! – процедил Мельница.

– Голодом, стало быть, морят? – вставил Сатана.

– Да, товарищ!.. Ну и засыпалась же девочка! Прямо чахотка берет!

– И какой арестант больницу выдумал? – спросил Неелд и прибавил, с треском ударяя валиком о матрац: – Пас!

Сенька постоял немного возле них и подошел к печке; погревшись, он растянулся во весь рост на ближайшем матраце, закрыл глаза и предался приятным воспоминаниям о Лизе.

А было о ком вспоминать!

Хорошая бароха! На удивление всем портовым блотикам! Хоть весь порт с фонарем исходи, другую такую не сыщешь...

Он жил с нею два года мирно, тихо, хотя частенько поколачивал и таскал ее за косу. Но без этого ведь никак нельзя. Избаловаться может женщина.

«А что, если ее заморят голодом и она умрет?» – подумал он, и ему сделалось жутко.

Сенька вспомнил, как они сошлись.

То было два года назад. Он был тогда совсем еще сопляком.

Прошрое его было почти такое же, какое у всех портовых блотиков. Он рано осиротел и как мячик переходил из рук в руки. Вначале он жил у какого-то сапожника, который без зазрения совести дубасил его колодкой по голове, потом – у кузнеца, у прачки и под конец, по милости одной сердобольной дамы-патронессы, попал в приют для малолетних.

Но здесь он удержался недолго. Приют пришелся ему не по вкусу. Кормили здесь прескверно, помоями, драли, заставляли исполнять самые грубые работы, притом к ним частенько наведывался какой-то важный господин с цацкой на красной ленте на шее и плотоядной физиономией, задабривал их грошовыми конфек-тами и проделывал с ними некрасивые вещи.

Последнее обстоятельство главным образом и заставило его бежать из этой обители вместе с Пузырем и Жеребчиком. Бежали они, конечно, в порт, о котором наслышались в приюте много хорошего и заманчивого.

Порт в их воображении рисовался чем-то

вроде Запорожской Сечи.

Сенька по неопытности с первых шагов попал к шарикам – чистильщикам паровых котлов и стал наравне с ними чистить котлы, работать на подрядчика.

Но жизнь этих вечно замурзанных детишек показалась ему скучной и тошной.

Не о такой жизни мечтал он. И какая это жизнь?! С восходом солнца, а то и с ночи залезай в потный котел, сиди весь день в нем, свернувшись как уж, и тук-тук молоточком по дымогарным трубам и заогненному ящику, отбивай накипь.

В ушах звон, точно звонят в тысячи колоколов; ноги, руки, грудь и спина ноют, соленая накипь лезет в глаза, в рот. И в результате – усталость такая, что еле добираться до казармы, валишься на нару и сразу засыпашь. К тому же большой уж скромностью и добродетельностью отличались шарики. Всю неделю работают, а придет воскресенье – они расползаются по родным, в церковь ходят, книжки читают.

Сенька жаждал другой жизни – вольной, размашистой, независимой.

Ему бы пошуметь, напроказить, нахулиганить, и чтобы всегда сытно было и в карманах звенели фисташки – деньги. Он поэтому на шестой же день бросил шариков и прикнул к блотикам. Эти как нельзя более соответствовали его темпераменту и желаниям.

В массе, да и в отдельности, они напоминали маленьких коршунов, которые били с налету и хватали все, что плохо лежит. Всех их было сто – сто пятьдесят. В год они причиняли порту убытков свыше чем на четверть миллиона, и с ними напрасно боролась туча ментов, капальщиков, шмырников и скорпионов.[3]

Это был смелый, отчаянный и веселый народ, из среды которого в будущем выходили крупные и даровитые блатные – воры. Он не признавал ни власти, ни закона, ни собственности.

Впрочем, большая часть блотиков погибала, не достигая двадцати-двадцатидвухлетнего возраста от алкоголя и от пороков или зверских побоев шмырников и ментов.

И стал Сенька, подобно им, стрелять хлопков, уголь, клепки, изюм, сахар, галеты и про-

чие товары – все, чем богат порт, эта грандиозная житница.

Нечего говорить, что на первых порах стрельба не особенно давалась ему. Будучи новичком в блатном деле, он часто засыпался, попадался в лапы к ментам и шмырникам то с углем, то с хлопком.

Впрочем, тогда он не особенно платился за свои художества. Шмырники и менты щадили его как ребенка и ограничивались тем, что легонько потреплют его шершавыми пальцами за ухо или дадут незначительного леща и отпустят, отобрав у него настролянное.

Неудачи эти очень печалили его, и он часто плакал... Товарищи смеялись над ним, и нередко Спирос Косой, самый великовозрастный блотик, считавший себя форменным блатным, когда выпивал лишние два-три шкала, ломался перед ним:

– И куда тебе со мной равняться, Горох! (Товарищи прозвали Сеньку Горохом.) Ты несчастный блотик, а я блатной. Ты фельдфебель, я штабс-капитан, генерал от инфантерии. У тебя духу не хватит сбацать то, что я. Нужно, брат, иметь опыт, талант в жизни, ко-

робочку спичек в кармане и магнезию!.. Вот что я тебе скажу! Чего ты равняешь индюка до свиньи?

Сенька слушал его, и ему до слез больно становилось за свое ничтожество и неуменье бацать – стрелять.

Блотик Куцый, видя его бессилие, сжалился над ним и преподал ему мудрый совет:

– Отчего не заведешь себе барохи? Она помогать будет тебе в работе, и ты пойдешь в ход. Без барохи стрелку жить нельзя. Хорошо работать можно только вкоренную – вдвоем. Бароха и на цинке постоит тебе, и зубы заговорит шмырнику... У всех ведь барохи. И у меня. Сам знаешь...

Сенька согласился с ним, поблагодарил его и спросил:

– Но где достать эту самую бароху?

– Где? Вот еще!.. Их как собак!

– Это, положим, так!.. Но захочет ли кто-нибудь из них?...

– Захочет! – уверенно заявил Куцый. – Ты, слава богу, не калека. Мужчина первый сорт. Посмотри-ка на себя в зеркало. Рост какой, глаза, нос!.. Куропат-кин!..

Слова Куцего ободрили его, и он занялся поисками барохи.

Сенька искал долго, но ни одна подходящая не наклевывалась, и он снова повесил голову.

– Не быть мне никогда блатным, – жаловался он Куцему.

Но вот портовый бог сжалился над ним.

Идет он однажды по Практической гавани и видит: сидит на шпалах девочка в белом ситцевом платице с мелкими голубенькими цветочками, в порванных туфельках, закрывшись концами вязаного платочка, и, как речка, разливается. Сенька подошел к ней.

– Чего, девочка, плачешь? – спросил он ее ласково. Задав этот вопрос, он подумал: «А хорошая из нее бароха вышла бы... Одни буфера чего стоят!»

Девочка открыла лицо, показала зеленые заплаканные глазки, розовые ушки, тоненький носик и прядь золотых волос и протянула плаксиво:

– Я го-о-лодная!

Сенька достал из кармана горсть кишмиша, только что добытого им из мешка за та-

можней, и сунул ей. Она схватила кишмиш с жадностью и стала грызть.

Девочка до того увлеклась кишмишом, что забыла про Сеньку.

Он же, подсев к ней, с восхищением наблюдал, как она ловко этак прокусывает своими острыми, белыми зубками кишмиш, как белка.

– Мама у тебя есть? – спросил он ее вдруг.

Она отрицательно покачала головой.

– А папа?

– Тоже нет.

– Где же они?

– Померли! – И она скороговоркой и кратко рассказала, как после отца-стереотипера, умершего от отравления кишок свинцом, и матери-прачки она осталась с маленьким Гришей круглыми сиротами. Их взяла к себе тетка Александра, но она так скверно обращалась с ними, морила голодом и была, что они вчера бежали...

– А Гришка-то твой где?

– Не знаю! – Она снова закрылась платочком и заплакала.

– Ну, чего раскудахталась? – спросил он

презрительно.

– Боюсь, что пропадет. Он такой маленький. Ему пять лет.

– Не пропадет. Его доставят в участок, – с уверенностью заметил Сенька, – а оттуда – в какой-нибудь приют, и там ему хорошо будет. Бифштекс с набалдашником будет есть. – И он звонко расхохотался. Она перестала плакать.

– Может быть, хлеба хочешь?

– У-у! – мотнула она головой.

Он повел ее в бакалейную лавочку и купил ей хлеба и маслин. Девочка с прежней жадностью набросилась на съедобное.

По мере того как она ела, она становилась все веселее и веселее. На порозовевших щеках ее зайчиками заиграли ямочки, и глаза забегали, как мышенята.

– Как тебя звать? – спросил он.

– Лизой! – ответила она бойко.

– А по фамилии?

– Сверчкова!

Он сделался смелым и ущипнул ее сзади.

– Ой! – воскликнула она и посмотрела на него с удивлением. – Как же так можно?!

– А что? – спросил он лукаво.

– Больно.

– Скажите пожалуйста, какие мы нежные!

Оба захохотали.

– Ты видела когда-нибудь, как грузят баранов? – спросил он.

– Нет.

– Идем. Покажу.

И, не дожидаясь ответа, он схватил ее за руку и помчался вместе с нею по набережной.

– Ой, упаду! – смеялась она громко, поправляя на бегу сползшую косынку и растрепавшиеся волосы.

Сенька ловко лавировал меж биндюгов, вагонов, гор угля и клепок, шмыгал то в один двор агентства, то в другой, перепрыгивал то через балку, то через кучу брезентов, попутно здороваясь со встречными мальчишками, не упустил случая стянуть брошенный кем-то, должно быть, сносчиком, в кучу верхнего платья алый бумазейный пояс и наконец остановился возле небольшого черного судна, на корме которого сверкала золотая надпись: «Gumbert».

Судно было сильно нагружено и сидело глубоко в воде. Через полчаса оно должно бы-

ло сняться, и капитан, маленький и круглый, как мяч, генуэзец, в кепи и куртке с галунами, торопил команду и Schippshandler'ов – поставщиков товара.

Оставалось только принять на палубу баранов. Бараны в количестве пятьсот – шестьсот штук, серые, курчавые, толпились внизу у сходни и не двигались с места.

Вот уже второй час, что с ними бились-били и никак не могли загнать их наверх. На них со всех сторон градом сыпались удары кнутовищ, палок, и чем больше их били, тем теснее они смыкались в одно неразрывное целое. Они напоминали собой кусок серого гранита. Зрелище это собрало массу праздного люда.

Капитан потерял наконец терпение и распорядился привести козла.

Привели козла и поставили его впереди упрямого четвероногого воинства, но бараны и теперь не тронулись. Не потому ли, что козел имел жалкий вид? Ну точь-в-точь мелкий чиновник, плюгавый, поджарый.

Пришлось послать за другим. Этот оказался на вид внушительнее, чем-то вроде дирек-

тора департамента. Взгляд у него был пронзительный, рога в пол-аршина и кренделем, борода до земли, и весь он был черен, как сажа.

Не успел он вскарабкаться на сходню и мотнуть бородою, как серая масса заколыхалась и, подобно фонтану, с грохотом и шумом взмыла кверху, посыпалась, как из мешка, и в несколько минут затушевала всю палубу. Сходня под ними заскрипела. Несколько баранов попадали в воду.

– Ура! – раздалось в публике.

Сенька выразил свой восторг тем, что вложил в рот два пальца и свистнул соловоьем-разбойником, а Лиза, вся сияющая, захлопала в ладоши.

– Теперь я покажу тебе, как бычков ловят, – сказал Сенька и повел ее в конец мола.

Над водой, на набережной, сидели рядышком тесно человек двадцать, серьезные и озабоченные, с длинными прутами и самоловами, и удили.

Сеня и Лиза присоединились к пожилому господину в чесучовом пиджаке, в наезднической шапочке и с громадным фиолетовым носом, усеянным сплошь горошинами и похо-

жим на кисть винограда. Сидевший рядом заморыш гимназист называл его дядей.

Дяде удивительно везло. Не проходило и минуты, чтобы он не выхватывал ловко из воды бычка, и тот извивался и сверкал на солнце, как серебряный.

Лиза, когда взвивался колечком бычок, всплескивала руками и заливалась тихим, протяжным смехом.

Сеня таким образом показал ей почти все достопримечательности порта – царский павильон, судовую, общую кухню на Арбузной гавани, где на ярко и весело пылающих очажках – их там сорок – матросы с отстаивающихся в бухте судов готовят себе горячую пищу; новостроящуюся гавань, укладку массивов.

Настал вечер.

Порт сразу, точно по сигналу, осветился сотнями электрических огней, заключенных в матовые, стеклянные шары на высоких, как мачты, железных штангах; осветились пароходы в бухтах и на рейде, баржи, катера, дубки, землечерпалки; они разбросали вокруг себя по темной, зыбящейся воде слитки золота, букеты цветов, ожерелья красных, извиваю-

щихся змей, исчертили ее и исписали огненными письменами, которые под ее дыханием мешались, как в калейдоскопе, образуя фантастические чарующие узоры; затрепетал, наподобие бабочки, красный огонь маяка у входа в бухту.

Зажглись огни и наверху, в городе. Осветилось и небо. Высыпала масса звезд.

В порту сделалось таинственно тихо. Повсюду легли странные громоздкие тени от эстакады, пустых, остановившихся и как бы уснувших товарных вагонов, железных приземистых пакгаузов и массивных и тупых паровых корм; резкая черта, отделяющая воду от набережной, стерлась, и они, казалось, слились.

На Приморской улице, в угольном складе, звонко лаяла дворняжка, и мерещилось, что лают не здесь, в порту, а там, далеко, за брекватером, что там – город, улицы, дома.

Вдоль эстакады, как вор, медленно крался одинокий локомотив, пуская вверх облака серебристого, пушистого пара...

– Постой! – хлопнул себя с размаху по лбу Сенька. – А я совсем забыл про Сименс-инсти-

тут! Самое главное!.. Идем!

Он взял Лизу снова за руку и повел по хорошо вымощенной улице за таможней.

Возле одного домика он остановился и сказал:

– Вот!

Домик этот был двухэтажный, деревянный, с острой треугольной крышей и по бокам опущен зеленью. Из четырех окон и стеклянных дверей струилась на террасу масса свету.

Над домиком белела вывеска с надписью по-английски: «Seamen's british institute» – Британский морской институт.

Назначение его было отвлекать английских seilor'ов – матросов, прибывающих в порт, от всяких «Old main top» и «Old Cardiff castle» – таверн, где они пропивали в обществе всяких мисс Фанни и мисс Лилли все свои деньги, даже фуфайки, и устроители его, местные английские крезы – экспортеры и пароходовладельцы, сделали все для привлечения к себе матросов. Они превратили его в настоящую тихую пристань, где душа матросов, мотавшихся несколько месяцев по всем

морям и океанам, обрела покой и отдых.

Матросы находили здесь приветливый камелек, письма, адресованные на их имя, от родных или невесты, газеты, бильярд, их угощали музыкой на фисгармонии, пением, туманными картинами и душеспасительной проповедью на тему о вреде пьянства и курения табаку.

Сенька помог Лизе взобраться на террасу, и они прильнули к окну.

Сегодня, по случаю праздника, было много народу. Перед небольшой эстрадой, в зале, в нескольких рядах и в разных позах на стульях сидели матросы, кочегары, повара и офицеры и слушали проповедь. На кафедре стоял заезжий миссионер.

Большинство публики состояло из негров, креолов, мулатов и индусов, и черные и коричневые лица их резко выделялись среди остальных.

– Ух, какой черный! – проговорила Лиза, указывая на сидевшего близко у окна негра.

Он дремал. Круглая шляпа его сползла ему на нос; левая рука соскользнула вдоль плетеного стула, и весь он осунулся, точно собира-

ьясь съехать на пол.

Прежде чем послушать проповедь, он, очевидно, хватил изрядную дозу джину или абсенту за таможней.

Сосед его, толстый норвежец, в круглом вязаном синем берете, с кирпичным лицом, широким разрезом рта, как у акулы, и бородой, висящей клочьями вокруг воловьей шеи, – типичный морской волк, напрасно дергал его за рукав.

– Я боюсь, – прошептала Лиза, прижимаясь к Сеньке.

– Дурочка! – засмеялся он.

Миссионер окончил свою проповедь, и его сменил юнга. Он подсел к роялю и заиграл английский вальс «Deisy».

Он потом заиграл британский гимн «God save the Queen», и весь институт подхватил его.

Лиза зевнула.

– Хочешь спать? – спросил Сеня.

– Да!

– Идем!

Он повел ее теперь на середину набережной к кучке клепок, разбросал их, накрыл со-

ломой и старой, валявшейся под ногами рогожей и сказал:

– Ложись!

Она покорно легла. Он лег рядом.

– Не жестко?

Она отрицательно мотнула головой.

Он потянулся и сказал:

– Мы всегда спим на набережной, как на даче. Хорошо. Правда? Прохладно и клопов нет! В приюте спать летом нельзя – заедят, анафемы!..

– Хорошо! – согласилась она, жадно вдыхая морской воздух. – Всю жизнь спала бы здесь. – Она сделала вдруг брезгливое лицо и прибавила: – У тети всегда было душно, грязно... Мы в подвале жили.

– А ты хочешь назад?

– Куда?! К кому?!

– К тете!

– Подохну лучше, а не вернусь! – ответила она решительно.

– Молодчина! – похвалил Сеня. – Оставайся тут лучше! Тут не жизнь, а рахат-лукум! Хочешь остаться?

– Хочу!

– Вот и хорошо!

– Тсс! – она приложила вдруг палец к губам и прислушалась. – Играют. Где?

До ее слуха донеслись смутные звуки вальса. Играл военный оркестр.

– На бульваре.

Она повернула голову.

Там, наверху, высоко над черным и мрачным обрывом, параллельно порту, белели наподобие бус электрические фонари, разбросанные в равном расстоянии друг от друга в длинную и прямую линию. Часть их пряталась в зелени стройных и упругих кленов и сквозила, как сквозь зеленые кружева, а часть горела свободно, разливая вокруг молочный свет, в котором плотной и разноцветной стеной двигалась публика.

– Весело там, – протянула она задумчиво.

– А ну их, – презрительно махнул рукой Сенька.

Он не любил города.

Невдалеке потом на набережной послышалось пение и звонкое притопывание ног. Пение все приближалось, и вдруг из-за ближайшего пакгауза вынырнуло странное трио –

трое маленьких, поджарых, обезьяноподобных человечков с шоколадными лицами. Они были одеты в белые штанчики, желтые курточки и плоские малиновые шапочки, расшитые серебром и шелком, и на ходу дружно и бойко напевали и отплясывали кекуок, высоко поднимая короткие ноги и широко загребая вечерний воздух кистями рук, как таксы.

Лиза видела таких человечков в Си-менс-институте.

– Индусы! – улыбнулся всем лицом Сенька. – Должно быть, из «Олд кардиф кастл»[4] идут и здорово там наштаивались пивом и висками. Постой, я на минуточку.

Он поднялся с клепок и направился к веселой компании.

– Гуд ивининг! – сказал он громко по-английски и развязно протянул им руку, как хороший знакомый.

Те оборвали на минуту пение, пожали протянутую руку и ответили весело, сверкая зубами и белками глаз:

– Evening!

– Гив ми смок, – обратился он к одному.

Индус кивнул головой, порылся в кармане

и вручил ему плитку прессованного табаку.

– Дзеньк ю! – поблагодарил Сенька.

Он после обменялся с ними еще несколькими фразами и попрощался:

– Гуд найт!

– Good night! – И они продолжали свою дорогу, по-прежнему напевая и приплясывая.

Сенька возвратился к Лизе.

– Фартовый народ, – сказал он, укладываясь, – хотя и Магометы. Никогда ни в чем не откажут. Иной раз пенс дадут. А ты слышала, – похвалился он, – как я здорово с ними по-джонски лупил? Я, брат, образованный... Хочешь? – Он протянул ей кусочек табаку.

– А что с ним делать?

– Положи в рот и жевай. Как я!

Лиза положила в рот. Вначале табак показался ей сладким как мед, но затем таким горьким, что она быстро выплюнула его.

– Фи!

– Дура!..

Веки у Лизы стали смыкаться.

– Как красиво, – сказала она сонно и мечтательно, погружая свои усталые глаза в небо.

На темно-синем бархате низко, почти над головой, горели, неровно вспыхивая голубыми огоньками, роняя алмазные искры, как пылающие головни, и трепеща, как живые, крупные, южные звезды. Одна из них отдельно от всех повисла продолговатой слезой над брекватером, готовясь ежесекундно скатиться в воду. Золотой ободок полумесяца, точно острым ногтем, врезался между ними.

– Давай считать звезды, – предложила она.

– Ол раит! – согласился он, сплюнув на сажень прожеванный табак, как истый джон.

Они стали считать:

– Раз, два, три!..

На десятой звезде, ласково кивавшей ей и подмигивавшей, она заснула, инстинктивно прижавшись к Сеньке, как к родному брату и защитнику. Сенька обнял ее и также уснул.

Первым проснулся Сенька. Было пять часов. Порт уже кипел, жил широкой жизнью.

Гремели подъемные паровые краны, гудели пароходные гудки, тысячи портовых рабочих копались в трюмах и на палубах, по всем направлениям набережной тянулись вереницы биндюгов, эстакада скрипела и трещала

под тяжестью вагонов с зерном...

Лиза спала еще. Она лежала на боку, свернувшись в комочек. Косынка ее сползла на плечи и открыла лицо, на котором играла улыбка.

– Вставай! – И Сенька дернул ее за рукав. Она открыла глаза.

– Хочешь умыться?

– Хочу.

– Так пошевеливайся! Нечего барыню играть! Лиза, зевая во весь рот, встала,правила платице, натянула на голову платочек, спрятала за ухо непокорную прядь волос, и они пошли к трапу, у которого, на воде, под сенью гигантского английского судна, на привязи болталась шаланда с носатым греком-перевозчиком.

Сенька спустился вниз, зачерпнул несколько раз рукой воду, размазал ее по лицу и вытерся уголком курточки. То же проделала и Лиза. Только она вытерлась подолом юбки.

– Теперь вот что! – сказал деловито Сенька. – Надо чаю напиться. А фисташек нет! Придется поработать! Сейчас самое лучшее

время! Идем!

Он пошел вперед быстрыми шагами. Она за ним.

– Видишь? – сказал он, остановившись в двадцати шагах от приземистой белой стены, в широких воротах которой виднелся длинный двор, загроможденный тюками, бочками и ящиками. – Это агентство! Стань вот здесь, на цинке, настороже, значит, и гляди в обе глюзы. Я буду набирать хлопок, а ты, как увидишь шмырника (сторож), крикни: зеке! Не забудешь? Зеке! Зеке! Зеке! И сама плейтуй, тоись, – пояснил он, заметив ез большие глаза, – драло! Пониме?

– Поняла.

– Так становись!.. Господи, благослови! – И он, мелко крестясь, направился к куче громадных тюков, сложенных под стеной агентства.

Лиза пошла на указанное Сенькою место. Наивная девочка не понимала, что с этого момента она становилась соучастницей его в краже.

Она стояла на цинке больше десяти минут. Сеня в это время спешно засовывал за сороч-

ку хлопок, выхватываемый им привычной рукой из надрезанного перочинным ножиком тюка.

В воротах вдруг показался сторож с толстой суконной палкой.

– Зеке! Зеке! – взвизгнула Лиза и метнулась в сторону.

Сенька отклеился от тюка и метнулся также. Грудь его и правый бок сильно выгорбились от настрелянного хлопка.

Сторож заметил его и крикнул:

– Держи!

Но он опоздал. Сенька нырнул под пустые вагоны и сгинул.

Сенька и Лиза встретились возле эстакады.

– Молодец! – похвалил он ее искренне. – Фартовая ты девчонка. А теперь вот что!.. Только раньше я покажу тебе что-то...

Он повел ее к какой-то развалине, остаткам сторожки, одиноко стоявшей посреди набережной. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто не подсматривает, он отшвырнул ногой грязную рогожу и открыл довольно глубокую яму.

– Это моя ховира, – сказал он. – Склад, пак-

гауз.

На дне ямы лежали кучки рельсовых гаек и еще какой-то предмет.

Сенька стал извлекать из-за пазухи белый как пух хлопок и бросать в ховиру.

Разгрузившись, он снова старательно заделал яму рогожей и сказал:

– Гайда под арап!

Он повел теперь Лизу на Приморскую улицу, по правой стороне которой развернулись угольные склады. По мостовой медленно тянулись караваны телег с углем, и меж ними и вокруг юлили стаями блотики.

Пользуясь каждым удобным моментом, они вскакивали на задки телег, срывали куски арапа, или угля, и передавали своим барохам – девочкам, которые стояли поодаль, и те быстро спроваживали уголь по ховирам своих сожителей.

– Видишь? – спросил Лизу Сенька, указывая на работу блотиков и барох.

– Вижу!

– Учись. Учение – свет, неучение – тьма!

Сбоку неожиданно вырос Скелет, тоже блот. Руки и лицо его были выпачканы уголь-

ной пылью. Он окинул Лизу быстрым взглядом и спросил:

– Бароха твоя?!

– Бароха! – с гордостью ответил Сенька.

– Гм!.. Ничего! Жить можно!.. Ну, помогай бог, товарищ! А нынче клюет! Я три пуда настрелял!

И Скелет исчез.

Сенька кивнул головой Лизе, надвинул студенческую фуражку на нос, сунул руки в карманы и пристроился к одной телеге.

Лиза, следившая за ним издали, увидела, как вдруг он выпрямился, прыгнул кошкой на задок телеги и сгреб кусок угля фунтов в двенадцать – пятнадцать.

– Неси! – сказал он, передавая ей уголь.

Она взяла и пошла к ховире.

Лиза три раза дорогой присаживалась, так как ноша была ей не под силу, и возвратилась спустя десять минут.

Сенька давно поджидал ее. У ног его лежали три куса угля.

– Годдем! Чего тащишься, как плашкоут?! – проворчал он, посмотрев на нее злыми глазами. – Тут работа кипит, а она себе гуляить!

Он утер подолом куртки вспотевшие и выпачканные углем нос и шею и скомандовал:

– Живее поворачивайся!

Лиза с испугом посмотрела на своего повелителя и живо исполнила его приказание. Она начинала побаиваться его.

– Ну, – сказал он полчасика спустя, – на сегодня довольно! Надо только загнать (спустить) товар, и пойдём чай пить!

Сенька набил мешок углем, хлопком и гайками и вместе с Лизой поволок его по земле по направлению к Таможенной площади.

– Стоп! – крикнул он, когда они поравнялись с грязной бакалейной лавчонкой.

Сенька сунул голову в раскрытые двери и позвал:

– Шмилик!

На зов его вышел длинный и надломанный на середине, как шест, еврей в жилете поверх ситцевой рубахи с отложным воротником, в рыжеватой бородке и круглой замусоленной шапочке.

– А! Горох! – расплылся в веселую улыбку Шмилик.

– Здравствуйте, Шмилик, – проговорил ско-

роговоркой и деловито Сенька. – Я принес вам товару.

– Товару?! Опять товар?! И куда я дену все?! У мене – агентство?! – спросил он, пожимая плечами.

Сеня нахмурил брови.

– Что у тебя? – спросил потом Шмилик так, точно вопрос этот совсем не занимал его. Он даже зевнул.

– Арап и пух (уголь и хлопок).

– Я так и знал. Может быть, хочешь, я продам тебе два телеги с арапом? Ша, качкие! – крикнул он на жену, которая бранилась с его матерью, подслеповатой старухой. – Если бы ты принес рису, – обратился он снова к Сеньке, – или кофе, вот это я понимаю, мы бы сделали дело.

Сенька закусил от злости нижнюю губу и проговорил:

– Оставьте ваши французские фокусы, Шмилик! Слава богу, не первый год знакомы! Давайте деньги, а то отнесу Фильке и задаром отдам!

– Какой ты, Горох, ей-богу! Такой маленький и такой гарачий. Ну, сколько тебе дать за

все?!

Они сторговались на полтиннике. Получив деньги, Сенька повеселел и сказал Лизе:

– Теперь в «Испанию»!

«Испания» была излюбленным трактиром блотиков. Придя туда, Сенька выбрал столик возле машины и крикнул на весь зал:

– Каштан!

– Сейчас! – послышался у буфета звонкий голос, и к столу подлетел мальчишка-половой, лет двенадцати, с грязной салфеткой под мышкой.

– Полторы порции чаю и семитатних бубликов! – распорядился Сенька.

– Слушаю-с! Каштан испарился.

Лиза с любопытством оглядывала трактир. Глаза ее останавливались то на толстом буфетчике, ловко рассыпающем чай по чайникам, то на публике, на белых занавесках, на клетке с кенарем, люстре, статуе Венеры с отбитым носом и левой пяткой...

Чай и бублики стояли на столе. Над пузатым, ярко раскрашенным фарфоровым чайником клубился ароматный пар.

Лиза с жадностью протянула руку к семи-

татнему бублику и спросила:

– Можно?

Он утвердительно мотнул головой.

Пока она грызла бублик, жадно подбирая осыпающуюся семитать липким пальцем, Сенька налил ей и себе два стакана чаю. Отпив полстакана, он вдруг сорвался со стула и подошел к чахлому человеку с японским лицом, в белой рубашке, сидевшему за деревянной балюстрадой, у машины. Сенька сказал что-то ему, сунул в руку мелочь и возвратился к Лизе.

– Что ты говорил с ним? – спросила она.

– Сейчас узнаешь, – ответил он многозначительно.

Не прошло и пяти минут, как машина заиграла. Весь трактир наполнился звуками жалобного мотива.

Лиза встрепенулась, и глаза у нее загорелись от удовольствия.

– Знаешь, что это играют? «Устю»! – И он стал подпевать, покачивая в такт головой:

*Вечер вечерееет,
Пробочницы идут!
А мою Устю в больницу везут!..*

Сеня велел потом машинисту завести «Сухою корочкой питалась», «Марусю», «По диким степям Забайкалья», «Дрейфуса» и «Иса».

Машина играла без устали к полному удовольствию Лизы.

– Видишь, какое у нас веселое житье?! – сказал Сенька. – Со мною никогда не пропадешь. Я фатовый! Хочешь халвы?!

Она мотнула головой.

– Каштан! На две копейки халвы и еще один семитатный! А ты любишь меня? – спросил он ее неожиданно.

– Люблю.

– Побожись!

– Чтоб я не дождала до завтра!

– Поцелуй!

Она перегнулась через стол, крепко обхватила его шею руками и стала целовать.

– Будет, – сказал он. Она оставила его.

– Чего же это наших еще нет? – спросил самого себя с удивлением Сенька и посмотрел на дверь. – А вот они!..

В дверях один за другим стали появляться блотики со своими барохами – Петька Скелет

с Манькой Беззубой, Пимка Апельсин с Юней Коротконогой и Гришка Арбуз с Лелей Тронбоном.

Завидя Гороха, блотики направились к нему.

Послышались восклицания.

– А! Здорово! Носит тебя еще земля?!

– Менты легких не отбили еще?!

– Бароха моя! – отрекомендовал Лизу Сенька.

– Очень приятно! – комично расшаркался перед нею Арбуз.

Товарищи познакомились с Лизой. Арбуз распорядился придвинуть к столу Сеньки еще один, и все уселись тесной компанией.

– По шкалу, что ли? – спросил Скелет весело.

– Обязательно! – ответила за всех Беззубая.

– Каштан!..

Не успели приятели перекинуться несколькими фразами, как на столе уже стояла бутылка с водкой, рюмки и закуска – соленые огурцы и вобла. Скелет наполнил рюмки и провозгласил тост:

– За здоровье карантинных шмырников!

Дай, боже, им черную болезнь!

– Аминь! – поддержала компания хором.

Шкалы были опрокинуты.

– А ты чего не пьешь? – спросила Беззубая

Лизу.

– Я никогда не пила.

– Так нельзя! Нечего ломоты строить!

– Пей! – приказал Сеня.

Лиза опростала рюмку и сильно поморщилась. Сенька подсунул ей под самый нос соленый огурец и кусок хлеба.

– Фу!.. Печет! – проговорила она, с трудом переводя дыхание.

– И какая ты бароха, коли не умеешь пить?! – воскликнула Беззубая. – Смотри!

Она наполнила чайный стакан водкой и легко опростала его в один прием.

Компания сидела за столом больше двух часов. И мужчины и женщины изрядно выпили. Не отстала от них поневоле и Лиза.

Голова у нее сильно трещала, но ей было весело. Она стучала ложечкой по тарелке и все требовала «Устю».

Беззубая завела ссору с Тронбон. Скелет показывал фокусы с серебряным пяточком, а

двенадцатилетний Арбуз ломался: стучал с размаху кулаком по груди и говорил заплетаясь языком, подражая великовозрастным блатным:

– Я двадцать пять лет кровь в карантине проливаю, и чтобы какой-нибудь ментяра (городовой) позволил себе слово сказать мне! Да я его, как селедку, надвое разорву!

– Да будет тебе, товарищ, тень наводить! – остановил его Сенька. – Слава богу, видели, как ты вчера плеитовал от мента!..

С этого дня Сенька и Лиза сошлись как нельзя лучше. Она сделалась ему верной помощницей. А с течением времени у нее открылся настоящий талант, приводивший в умиление Сеньку и вызывавший зависть во всех его товарищах и озлобление в их барохах.

Так наливать масло шмырнику, как она, не могла ни одна бароха.

Сенька бацает хлопок в агентстве, а она отвлекает от него внимание шмырника всякими разговорами, прикидываясь дурочкой.

– Дяденька! Скажите, пожалуйста, какой час?

– Сколько тебе, стрекоза, надо? – заигрывает с нею суровый цербер.

– Полтретьего.

– На что тебе полтретьего?

– Тятеньку проведать надо. Вы, быть может, знаете его?

– А он кто?

– Элеваторщик. На элеваторе работает. Дяденька, миленький, – продолжает она наливать масло, – вы, быть может, часом, платочек тут нашли? Обронила...

– Очень нужен мне твой платочек!

А Сенька в это время знай пощипывает из тюка хлопок и накладывает в карманы и за пазуху. Накладывает и сияет.

– Ну и бароху же послал мне господь. Дай бог ей здоровья, а не двести тысяч на мелкие расходы!..

Ловкая она была шельма! В какой-нибудь месяц перещеголяла всех барохов.

Она не только хорошо на цинке стояла, но и хай (шум) делала, как никто.

Случилось так, что Сенька засыпался. Лиза в этот момент выходила из мелочной лавочки на Таможенной и видит: ведут ее ясного

сокола, муженька, с двух сторон под руки мент и дворник, а сзади важно шествует сам квартал, жирный, как бекас, с аршинными усищами, портфелем под мышкой, и командует:

– В участок его, мерзавца!.. Я тебе покажу, как табак воровать!

– Выручай! – крикнул ей Сенька.

Лиза шариком подкатилась к нему, повисла у него на шее и как завизжит:

– За что вы ведете его в часть?! Он ничего не сделал!.. Карраул! Православные!.. Ой, ой!..

Сопровождавшие его мент и дворник растерялись. Растерялся и квартал.

А Лиза не перестает хаять:

– Православные!.. Режут!..

В какие-нибудь две-три минуты Лиза собрала тысячную толпу.

– Люди добрые! – обратилась она к публике. – Я вот с братцем моим вышли на площадь, мама послала за керосином, вдруг городской хватает его и тащит в участок. Ой, боже мой!..

Находившийся в толпе экстерн в прыщах, помятой шляпе и пенсне петухом наскочил

на городского и крикнул:

– Как ты смеешь?! Немедленно отпусти его!.. Господа, надо вырвать его из когтей этих опричников, а то они убьют его!

В толпе прошел гул. Она подалась вперед и оттерла полицейских от Сеньки.

Заварилась каша. Явился полицмейстер, казаки. А Сенька и Лиза в это время сидели в Практической гавани на клепках и как ни в чем не бывало уплетали за обе щеки воблу...

Дела Сеньки удивительно пошли в гору и даже заметно отразились на его внешности. Он округлился, стал носить «колеса» на высоких подборах и курить вместо «Ласточки» «Дюшес» и «Сенаторские».

Округлилась и Лиза.

Сенька не оставался в долгу перед своей барохой. Нередко в благодарность за любовь и помощь он делал ей обновки: покупал то новые туфли, то гамаши, брошку, колечко и водил в город в театр при чайной попечительства о народной трезвости. Их часто можно было видеть там, на галерке, рядышком, внимательно следящими за пьесой.

Когда «работы» было мало, она, сидя на ду-

бах, вышивала ему болгарскими крестиками лелю – рубаху, чинила штаны, куртку, набивала табаком гильзы или варила на массивах в котелке уху.

Часто по вечерам все блотики вместе с барохами собирались где-нибудь на набережной под звездным небом в большой кружок и устраивали литературно-музыкальные вечера. Известные всему порту – Монах рассказывал занимательные сказки, а Хандри-Мандри – пел.

Он пел «Стогнет, стогнет голубочек», «Падший ангел беспокойный», «Трубочка-заветочка».

«Трубочка-заветочка» была любимой песней блоти-ков, и они заставляли Хандри-Мандри петь ее по нескольку раз.

*Трубочка-заветочка
С резьбою по бокам!
Какая ты красивая;
Продай, брат, ее нам!
Ах, трубочка-заветочка
Отбита на войне!
И в память генерала
Досталась она мне!
Я трубочку-заветочку*

*Как око берегу,
И хороню я трубочку,
Я в правом сапогу.
Вот было сражение
Под городом Дубном,
И сохранялась трубочка
В сапоге моем!*

Все бы хорошо, если бы только в Сеньке не сидел бес ревности. Стоило Лизе бросить даже равнодушный взгляд на мимо проходящего гимназиста с рыболовным прутом или на кого-нибудь из товарищей Сеньки, как он уже хмурился, подступал к ней с кулаками:

– Ты чего до них ливеруешь?

– Что ты?! Ей-богу, Сенечка, ты запонапрасно!..

– Я тебе дам запонапрасно! – И он вlepлял ей затрещину.

Он следил в оба за ее нравственностью и всегда мстил за свою попорченную честь.

Когда однажды блатной Рашпиль ущипнул ее за ногу, Сенька выхватил нож и сказал ему со злобой:

– Если еще раз тронешь, зарежу! Я, брат, теперь такой же фартовый, как и ты. Мне что

тюрьма, что дом – все единственно.

И если бы его не удержали товарищи, он обязательно пырнул бы Рашпиля.

Досталось также от него и шарикам. Они позволили себе такую выходку: заманили в пароходный котел Лизу под предлогом познакомиться ее с устройством его. Сперва они вели себя честь честью, по-джентльменски, но потом вдруг потушили свечи и давай щупать ее.

Лиза со слезами на глазах прибежала к Сеньке. Тот обозлился, созвал всех блотиков и вечером, когда шарики сходили со сходни, они набросились на них и жестоко избили...

– Удивляюсь тебе, – сказал как-то Сеньке большой практик Арбуз. – У тебя такая хорошая бароха, а ты из кожи лезешь. Возьми с меня пример. Я весь день ничего не делаю, а придет вечер, Маня принесет мне рубль, два, а то и три. Запряги Лизу, пусть одна работает.

Мысль эта очень понравилась Сеньке, и с этого же дня он предался полному *dolce far niente*, [5] а Лиза работала за двоих. Сама стреляла хлопок, арап и приносила выручку. Сенька от безделья пристрастился к картам. Он весь день пропадал на обрыве, над пор-

том, в кустах и играл с чистильщиками сапог в «три листика».

Сеньке не везло. Он проигрывал всю выручку Лизы и, не довольствуясь этим, постепенно забрал у нее все свои подарки – шелковую косынку, колечко, туфли, брошку – все... А она и не думала роптать.

Но вот она исчезла. День, два... Ее нет...

Сенька не на шутку всполошился.

– Не сманил ли ее Косой? Тот давно уже зарился на нее.

Сенька бросился к нему, но тот поклялся, что и не думал сманивать ее.

– Куда же она делась?!

Он строил тысячи предположений. Думал, что ее увезли в Константинополь, что попала под поезд...

Он затосковал, опустил плечи и только теперь понял, как она была ему дорога и близка. Он припоминал каждую мелочь из их совместной жизни, и эти мелочи умиляли его.

Сенька вспомнил, как однажды шмырники безбожно избili его воловиками,[6] и она ухаживала за ним, растирала горячим уксусом его спину, бока. Вспомнил также следую-

щее: он стащил у одного угольщика шапку. Тот настиг его и стал бить. Случилась тут Лиза. Она сгребла тяжелую марсельскую черепицу и как треснет ею угольщика. Тот так и растянулся.

Вспомнил Сенька и зимние вечера, когда, будучи на декохте, они прятались в промерзлых вагонах, и сна грела его своим телом.

Попутно Сенька припомнил, как часто он обижал ее. Однажды он застал ее за каким-то шитьем.

– Что шьешь? – спросил он.

Она вспыхнула и ответила, заикаясь:

– Ничего.

– Скажи!

– Платьице для... Зины...

– Какой Зины?

Она достала из клепок самодельную куклу, которой играла всегда в его отсутствие, и показала.

– Вот еще... вздумала!..

Он грубо вырвал из ее рук куклу, разорвал ее надвое и бросил. Она расплакалась, как трехлетняя девочка...

А как он обирал ее?!

Он был так виноват перед нею, и ему хотелось загладить свою вину.

– Господи! Если бы только она отыскалась! – молил он.

И вот он узнал от фельдшера при ambulance Приморского приюта, что она в больнице.

Сенька пошел к ней с раскаянием. Он хотел сказать ей многое, многое. Но этот проклятый шмырник и злая сестрица испортили всю музыку.

Сенька долго ворочался на матраце, думая все о Лизе.

– Скорее бы отпустили! – проговорил он вполголоса. – Вот заживем! На все медные! – И он улыбнулся...

IV

Прошла неделя с того дня, что он навестил Лизу.

Она не являлась в порт.

Сенька прождал ее напрасно еще два дня и, как ему не хотелось, отправился снова в больницу.

По дороге его перехватила подруга Лизы – Ньюша, продавщица цветов. Узнав, что он идет к Лизе, она достала из своей корзиночки два лучших белых хризантема, сунула ему в руку и велела передать ей.

Мимо Сеньки по мостовой, покрытой снегом, весело мчались сани.

«Как только она выпишется, – думал Сенька, – обязательно возьмем сани и покатаемся».

«Зиму, – решил он потом мысленно, – как-нибудь проживем в Одессе, а летом махнем во Владивосток».

Владивосток был постоянной мечтой его.

Сенька строил тысячи соблазнительных планов.

Но вот и больница!

В воротах знакомый шмырник. Тот или не узнал его, или не хотел узнать. Он молча пропустил его во двор.

Вот и знакомая палата!

Но почему не видать Лизы?! Где она?! Она лежала, кажись, вот на той койке, против дверей, а теперь на ней лежит отвратительная старуха.

Или он ошибся палатой, или она выписалась?! У кого спросить?

А вон та самая сестрица! Она входила в палату с какой-то склянкой в руке.

– Ах, это ты?!

Она вздрогнула и остановилась перед ним в сильном смущении.

– Можно Лизу... Сверчкову повидать?! – спросил он ее торопливо и с беспокойством.

– Сверчкову?

– Ну да!.. Сверчкову! – повторил он, нервно и безотчетно общипывая лепестки хризантема.

– Она... умерла, – с усилием выговорила сестрица.

Сенька побелел, внутри у него что-то порвалось, и он посмотрел на нее испуганными

глазами.

– Это было позавчера, – проговорила, стараясь не глядеть на него, сестрица. – Она даже похоронена уже. А все это, – прибавила она строго, – из-за ваших глупых кокосов. Она заболела возвратным тифом. Я ведь говорила.

Голос ее из строгого сделался вдруг мягким и нежным, и она прибавила:

– Бедный мальчик.

Во время беседы к ним подковыляли несколько человек больных и оглядывали его с любопытством. Сенька стоял среди них как истукан, по-прежнему нервно общипывая хризантемы и не замечая никого. Он сделал потом невероятное усилие, круто повернулся и пошел к дверям. Какая-то женщина крикнула ему вдогонку:

– Постой!.. Мальчик! Она велела серьги свои передать тебе.

Но он был уже на улице...

Сенька долго стоял перед приземистым и мрачным зданием больницы со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами и думал:

«С какой стороны удобнее было бы подпасть эту гнусную ховиру?»

Постояв немного, он поплелся в порт, в трактир, потребовал водки и велел машинисту завести «Устю».

Он пил и лепетал:

– Лиза!.. Лиза!..

Прошла еще неделя, и Сенька успокоился. Он обзавелся новой барохой. Новую звали Маней Толстогубой.

Так же, как и Лиза, она стояла ему на цинке, ходила с ним под арап и набивала ему табаком гильзы.

Примечания

Подруга. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Холод и голод. *(Прим. автора.)*

[^^^]

3

Городовые, шпионы, сторожа и таможенные надсмотрщики. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Таверна. (Прим. автора.)

[^^^]

5

Сладостному безделью (*итал.*).

[^^^]

6

Воловьѣ жилы, залитыѣ свинцом. (*Прим. автора.*)

[^^^]